

Пролог

Тисовая улица была совершенно обычной. Вдоль нее стояли совершенно обычные дома, один почти не отличался от другого. Все жители этих домов были совершенно нормальными людьми, за исключением одного дома. В этом доме жила семья, которая изо всех сил старалась быть совершенно нормальной. Но в жизни мистера и миссис Дурслей всегда был один аспект, который никогда и близко не подходил под их определение нормальности. Эта вещь сидела на своей кровати в самой маленькой комнате дома, заваленной старыми, сломанными игрушками их сына, накопленными за всю его изнеженную жизнь. Этим существом был не кто иной, как их племянник, Гарри Поттер.

Гарри Поттер не обращал внимания на многочисленные предметы, разбросанные по его комнате. Он неподвижно сидел на кровати и смотрел на голую стену перед собой. Он сидел в той же позе с тех пор, как ровно 36 часов назад вернулся в свой «дом» на лето. За все это время Гарри Поттер не ел, не спал, не произносил ни слова и даже не отводил взгляда.

Из задумчивости Гарри наконец-то вывела его белоснежная сова Букля. Вернувшись с ночной охоты, она села ему на плечо и ласково потрепала за ухом, издав тихое улюлюканье. Выйдя из транса, Гарри взглянул на прикроватные часы и обнаружил, что сейчас чуть больше трёх часов ночи. Гарри рассеянно погладил перья Букля и понял, что не успел сделать ещё кое-что за последние 36 часов. Затем он стремительно выбежал из комнаты в туалет, оставив после себя возмущенную сову.

Закончив избавляться от самой насущной проблемы, Гарри понял, как сильно он проголодался. Урчание в животе подтвердило его решение прокрасться на кухню, чтобы раздобыть что-нибудь съестное. Он тихо пробрался через коридор и спустился по лестнице, стараясь избегать скрипучих половиц и ступенек. Добравшись до места назначения, он принялся готовить себе сэндвич. Гарри хватило всего двух укусов, чтобы понять, что, несмотря на очевидный голод, аппетит у него не очень-то и разыгрался.

Гарри заставил себя съесть остаток бутерброда, несмотря на нарастающее тошнотворное чувство в желудке. Покончив с полуночной трапезой, Гарри убрал за собой и беззвучно вернулся по лестнице в свою спальню, где рухнул на кровать и погрузился в тяжелый сон.

Следующие несколько дней прошли для Гарри практически одинаково. Он выходил из своей комнаты только посреди ночи и не встречал никого из родственников с того самого дня, как они забрали его с Вокзала Кингс Кросс. Это была одна из немногих вещей в его жизни, за которые он был благодарен в данный момент.

Эти дни он проводил в постели, то погружаясь в сон, то выныривая из него. Честно говоря, Гарри не видел разницы между сном и бодрствованием, поскольку постоянно переживал в голове одни и те же моменты, независимо от своего состояния. Гарри стал довольно ловко избегать и ускользать от своих врагов. (Однако многолетняя практика не помогла ему в этот раз, так как Гарри Поттер стал своим злейшим врагом, во всяком случае, на данный момент. Тем не менее самый темный волшебник столетия все еще замыслил его смерть.

Гарри не мог избавиться от мыслей о той страшной ночи, когда он потащил пятерых своих ближайших друзей из школы в Шотландии в Министерство магии в Лондоне, подвергая себя опасности, чтобы спасти своего крестного из лап Лорда Волан-де-Морта. Гарри не знал, что Волан-де-Морт его обманул, а Сириус, его крестный, в это время был в целости и сохранности в своем лондонском доме. Последовавшая за этим катастрофа привела к ранениям всех пятерых его друзей, а также нескольких членов Ордена Феникса, пришедших им на помощь, и, что самое страшное, к смерти крестного отца, который входил в состав спасательной команды.

Чаще всего Гарри вспоминал тот момент, когда его крестный отец провалился сквозь проклятую завесу. Этот момент вызвал у Гарри множество эмоций: боль и печаль от потери самого близкого человека, которого он когда-либо знал, злость на убийцу Сириуса, его собственную кузину Беллатрису Лестрейндж, злость на Сириуса за то, что он не воспринял дуэль всерьез (если бы он только напал на нее, а не тратил время на насмешки), беспомощность, когда он мог лишь наблюдать за тем, как Сириус кувыркается через арку, и замешательство, что это за чертова завеса.

Римус Люпин, единственная оставшаяся связь Гарри с его давно умершими родителями, удержал Гарри от того, чтобы последовать за Сириусом через арку, объяснив, что Сириус ушел и больше не вернется. Все, с кем он разговаривал с тех пор, только подтверждали этот факт, но Гарри не понимал, как это работает. Если арка была дверью в мир мертвых, разве она не должна работать в обе стороны? Сириус ведь не умер как положено, оставив после себя тело, а дух отправился навстречу новым приключениям. Нет, тело Сириуса все еще было при нем, и, как считал Гарри, это должно было означать, что у него еще есть надежда на возвращение. Надежда - это все, что у него было на данный момент.

Когда Гарри не размышлял о состоянии своего крестного, он перебирал в памяти события того вечера. После того как Сириус провалился сквозь завесу, Гарри помчался за Беллатрисой и наложил на неё самое страшное проклятие, которое только мог придумать: проклятие Круциатуса. Именно этот поступок, как никакой другой, отбил у Гарри аппетит. От одной мысли о том, что он сделал, ему становилось физически плохо. Он наложил Непростительное проклятие. Мало того, он наложил самое страшное Непростительное в своем воображении. Он не искал контроля или быстрой смерти для Беллатрисы; он хотел причинить боль, заставить Беллатрису страдать, как страдал он в то время, как страдает и сейчас. Она высмеяла его за старания, ведь проклятие не сработало должным образом. Он на собственном опыте убедился, что при наложении проклятия нужно получать удовольствие от причинения боли другим. Если ты не получаешь удовольствия от причинения боли другим, то остаешься только с чувством ненависти к себе. Наложение проклятия заставило Гарри почувствовать, что он ничем не лучше самого Волан-де-Морта.